

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© Анастасия Кротова

SPECIFICS OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS' PERCEPTION OF PHRASEOLOGICAL CALQUES (AN EXPERIMENTAL STUDY)

Anastasiya Krotova

The globalization of modern communicative processes, the universal accessibility of information, and the speed of its dissemination cause continuous replenishment of the Russian language vocabulary and phrasemes through explicit and implicit borrowings, which include phraseological calques.

The paper emphasizes that phraseological calques have been sufficiently well described as a linguistic, linguocultural, and translation phenomenon, while the anthropocentric specificity of these units has hardly been studied.

In the anthropocentric approach, we can define a phraseological calque as a foreign language formula that was collectively approved and accepted by native speakers and has become a model to be emulated. Various studies repeatedly note that phraseological calques are perceived as metaphorical formations of the mother tongue or as organic authentic units.

The study of calqued phrasemes as a cognitive and linguistic phenomenon is impossible without reference to the linguistic consciousness of native speakers. This paper describes and analyses the results of our experimental study aimed at determining the specifics of perception and identification of phraseological calques by native speakers (namely, students of philology). We assumed that the participants in the experiment, given their professional status, would be able to identify the foreign-language origin of phrasemes on the basis of their formal and substantive characteristics.

The results of the experiment did not support the hypothesis as only 9% of the answers indicated, in one way or another, the foreign origin of certain phrases, while the term "calque" was used only five times.

The main attributes that the respondents focused on, when identifying phraseological calques, were the composition of the phraseme, knowledge of its prototype, and the historical and cultural facts related to the expression.

Keywords: calque, phraseological calque, implicit borrowing, anthropocentrism, perception, experimental study, linguistic consciousness

Глобализация современных коммуникативных процессов, общедоступность информации и скорость ее распространения обуславливают постоянное пополнение лексико-фразеологического фонда русского языка за счет явных и скрытых заимствований, к которым относятся фразеологические кальки.

В работе подчеркивается, что фразеологические кальки достаточно хорошо описаны как лингвистический, лингвокультурный и переводческий феномен, в то время как антропоцентрическая специфика данных единиц практически не изучена.

В рамках антропоцентрического подхода фразеологическая калька может быть определена как коллективно одобренная и принятая носителями языка иноязычная формула, которая становится образцом для подражания. В различных исследованиях неоднократно отмечается, что фразеологические кальки воспринимаются как метафорические образования родного языка, как органичные аутентичные единицы.

Изучение калькированных фразем как когнитивно-языкового феномена невозможно без обращения к языковому сознанию носителей языка. В данной работе описаны и проанализированы результаты экспериментального исследования, направленного на определение особенностей восприятия и идентификации фразеологических калек носителями языка (студентами, обучающимися по специальности «Филология»). Было сделано предположение, что участники эксперимента, учитывая их

профессиональный статус, смогут определить иноязычное происхождение фразеологизмов, опираясь на их формальные и содержательные характеристики.

Результаты эксперимента гипотезу не подтвердили: только в 9% ответов так или иначе указывается на иноязычное происхождение некоторых фразем, при этом термин «калька» был использован только пять раз.

Основными признаками, на которые ориентировались испытуемые при определении фразеологических калек, являются компонентный состав фразеологизма, знание прототипического выражения и историко-культурных фактов, связанных с оборотом.

Ключевые слова: калька, фразеологическая калька, скрытое заимствование, антропоцентризм, процесс восприятия, эксперимент, языковое сознание

В эпоху интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, стирающих границы и обеспечивающих высокую скорость распространения информации, процессы глобализации и интернационализации языков протекают особенно быстро, о чем свидетельствует постоянное увеличение числа заимствований и калек разного типа. В современных коммуникативных условиях проявления языкового контактирования претерпевают значительные качественные и количественные изменения [1, с. 129]: Е. В. Маринова отмечает, что в XXI веке наблюдается значительная активизация калькирования, или «скрытого» заимствования [2, с. 10]. По словам Н. Б. Мечковской, кальки, в отличие от собственно заимствований, представляют собой менее резкие, менее заметные инновации и поэтому появляются чаще. Они проникают в языки исподволь, в качестве едва ощутимой речевой небрежности или смелости и распространяются быстро [3, с. 227].

В. М. Мокиенко отмечает, что специфика фразеологической кальки определяется категориальными свойствами фразеологизма как особой языковой единицы, и особенно его экспрессивностью. Кальки фразеологические в основном «зациклены» на коннотативной номинации, характеризующей и оценивающей антропогенные семантические зоны. Последнее свойство чрезвычайно важно уже потому, что идеографическая карта фразеологических калек является универсальной, что во многом облегчает их быструю адаптацию в новой языковой среде [4, с. 9].

Несмотря на достаточно глубокое теоретическое осмысление калькирования как лингвистического, лингвокультурного и переводческого феномена (см. работы Ш. Балли, Г. Пауля, А. А. Реформатского, Л. П. Ефремова, Н. М. Шанского, А. В. Кунина, Л. П. Крысина, А. П. Араповой, В. М. Мокиенко, Ч. Апреотесей, С. В. Мухина, И. О. Наумовой, А. А. Гариповой и др.), некоторые его аспекты до сих пор требуют тщательного изучения. Как отмечает Л. П. Крысин, по сравнению с прямыми заимствованиями, калькированию посвящено меньшее

количество работ, что является следствием меньшего их числа и неразработанности критериев отличия калек как результата иноязычного влияния от собственного развития языка [5, с. 30–31]. При этом, по словам С. В. Мухина, фразеологические кальки находят свое место далеко не на периферии языковой системы, а в самом ее ядре, наравне с исконными фразеологизмами, наглядно демонстрируя значительную степень взаимопроникновения культур в области языка [6, с. 61]. Вместе с тем, как справедливо отмечает О. В. Матвеева, до сих пор без должного внимания остаются процессы интеграции кальки в лексической системе языка-реципиента, восприятия кальки носителями языка [7, с. 3].

Известно, что термин «калька» (*les calques*) впервые был введен швейцарским лингвистом Ш. Балли и определен им как единственный способ передачи идиоматических выражений из языка в язык. По его мнению, кальки – это выражения, созданные способом буквального перевода по образцу выражений, заимствованных из другого языка [8, с. 69].

Перевод как способ создания калек до сих пор считается одним из основных признаков данного явления, например: «Калька – образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [9, с. 211]; «фразеологическая калька – это устойчивое сочетание слов, возникшее в результате пословного перевода иноязычного фразеологизма» [10, с. 116]. По мнению Л. П. Ефремова, калька возникает только в результате перевода и как следствие перевода, что выделяет ее из сферы заимствования [11, с. 50].

В других определениях делается акцент на прототипическую, моделирующую функцию иноязычного слова или выражения при образовании калек. Так, по словам Э. М. Солодухо, фразеологическая калька возникает в результате точной или измененной передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов средствами заимствующего языка [12, с. 136]. Д. Н. Шмелев отмечает,

что «сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец» [13, с. 175]. А. А. Гарипова определяет фразеологическую кальку как устойчивое выражение, вошедшее в лексико-фразеологическую систему языка в результате воспроизведения структуры и значения иноязычной фразеологической единицы средствами калькирующего языка [14, с. 6].

Румынский лингвист Ч. Апреотесей обращает внимание на социолингвистическую специфику кальки: «это явление языкового контакта, сознательное или стихийное, реализованное внутренними ресурсами по внешней модели, при котором более или менее точно перемещаются из одного языка в другой лексико-семантические, фразеологические или морфосинтаксические структурные элементы» [15, с. 85–86].

Лингвистическое, лингвокультурное и социолингвистическое описание фразеологических калек может считаться неполным без учета антропоцентрических особенностей данных языковых единиц. Являясь «достоянием языкового сознания» [16, с. 7], фразеологическое значение не просто фиксирует национально-культурные особенности, стереотипные представления, мировоззрение народа, но и формирует в психике человека «мыслительные образы экстралингвистического характера» [17, с. 71].

Следование принципам «человек во фразеологии» и «фразеология в человеке» позволяет по-новому взглянуть на проблемы калькирования и рассмотреть фразеологическую кальку как когнитивно-языковой феномен, за которым стоит человек [18, с. 365]. Процесс калькирования в таком случае может быть рассмотрен как коллективно одобряемое принятие носителями языка иноязычной формулы, которая становится прототипом / образцом для подражания. Этот процесс запускается в случае, если носители ощущают необходимость в новом наименовании, но не находят подходящую единицу в своем языке и / или воспринимают иностранное выражение как более точное, выразительное или просто модное. При этом, как отмечает О. А. Мещерякова, возможно заимствование как когнитивного содержания, так и его вербальной фиксации, хотя и с помощью своих языковых элементов [Там же].

В этой связи интересной и актуальной кажется проблема восприятия фразеологических калек носителями языка. Традиционно считается, что кальки воспринимаются как метафорические образования родного языка, созданные по его законам. Еще Н. М. Шанский отмечал, что иноязычность структуры фразеологических калек совер-

шенно не ощущается, поскольку по синтаксическим связям слов и их семантическим отношениям они не отличаются от исконно русских фразеологизмов [10, с. 119]. По мнению И. О. Наумовой, говорящие активно используют кальки, поскольку данные единицы имеют прозрачную внутреннюю форму, способствующую осознанному восприятию новых словесных комплексов и их быстрому запоминанию [19, с. 38]. Н. С. Арапова утверждает, что укрепившиеся в языке кальки воспринимаются носителями языка как исконные слова данного языка; их неорганичность ощущается лишь краткое время после их появления [20, с. 9]. О. А. Никитина и Д. Штеффенс считают, что прозрачная образность фразеологических калек облегчает «вживание» инноваций и они почти сразу же начинают восприниматься носителями языка как аутентичные [21, с. 40].

Думается, что, несмотря на подобную микрию, фразеологические кальки тем не менее могут обладать особыми характеристиками, которые позволяют носителям языка воспринимать их как скрытое заимствование. В собственно лингвистических исследованиях такие признаки называются и описываются. Например, кальки отличаются тем, что в них реализуются нехарактерные для данного языка формальные или содержательные черты. Кроме того, при определении кальки важно обратиться к внеязыковой действительности: если обозначаемое явление пришло к нам извне, то можно предположить, что его наименование либо заимствование, либо калька [22, с. 6].

По мнению И. О. Наумовой, исследовавшей фразеологические кальки английского происхождения, можно выделить специфические лингвистические и экстралингвистические признаки таких единиц, а именно:

- 1) наличие структурно-семантического аналога в иностранном языке;
- 2) факты, подтверждающие возникновение предполагаемого прототипа русской фраземы в иностранном языке (установление авторства, лексикографические источники, документы);
- 3) смысловая соотнесенность анализируемой единицы с иноязычной лингвокультурой (наименования реалий, особенности национальной культуры);
- 4) одновременное функционирование прямого заимствованного выражения и его пословного перевода, который поясняет иноязычный оборот;
- 5) дополнительные формальные признаки, сопровождающие в некоторых случаях введения в речь фразеологических калек: кавычки, ввод-

ные фразы и конструкции, метаязыковые комментарии, рефлексивы и т. п. [19, с. 16–18].

Вполне возможно, что описанные выше признаки действительно являются важными маркерами, помогающими носителям языка опознавать фразеологические кальки. Однако, как представляется, не все они имеют одинаковое значение для воспринимающего сознания. Думается, что наиболее яркими характеристиками, позволяющими заподозрить и идентифицировать фразеологическое калькирование, являются:

1) одновременное активное существование в узусе кальки и ее иноязычного прототипа (например, *all inclusive* и *все включено*; *Black Friday* и *черная пятница*);

2) наличие в составе фразеологизма компонента, прямо указывающего на иноязычное и инокультурное происхождение (*американская мечта*, *английский завтрак*, *испанский стыд*, *День благодарения*); причем такая подсказка не всегда связана с настоящим языком-источником (например, фразема *испанский стыд* – это перевод не испанского, а английского выражения *Spanish shame*);

3) необычная образная основа и / или структурная организация фразеологизма (*социальная бабочка*, *хромая утка*, *цифровые аборигены*; *быть в ресурсе*, *быть в моменте*).

Добавим, что, безусловно, самым надежным критерием для носителей языка является их собственное знание происхождения фразеологической единицы, однако далеко не все таким знанием обладают, а иногда такая информация бывает просто ошибочной и некорректной.

Кроме того, определенную роль может играть и временной фактор: современная единица скорее будет определена как калька, поскольку всем известна существующая тенденция к заимствованию, пусть даже и скрытому, из английского языка. Устаревшие или устаревающие единицы, как правило, плохо знакомы носителям языка (то есть являются по сути агнонимами) и потому не вызывают никаких ассоциаций, никаких предположений об их происхождении.

Итак, способны ли носители языка идентифицировать калькированные фраземы? Для того чтобы это выяснить, мы провели экспериментальное исследование, направленное на выявление особенностей восприятия и распознавания фразеологических калек.

В эксперименте приняли участие студенты 3–4 курсов, обучающиеся по направлению «Филология», в возрасте от 20 до 24 лет (всего 60 человек). Учитывая поставленные задачи и характер стимульного материала, профессиональная ориентация респондентов имеет немаловажное зна-

чение: гуманитарии (будущие филологи и журналисты) должны хорошо знать русскую фразеологию и процессы, происходящие в ней, обладать тонким языковым чутьем и потому наверняка способны относительно легко распознать скрытое заимствование (фразеологическую кальку). Стоит также подчеркнуть, что все респонденты имеют достаточный для эксперимента уровень владения английским языком (от A2 и выше).

В качестве стимульного материала использовались контексты, содержащие фразеологические кальки английского происхождения, часть из которых уже довольно давно существует в языке (*холодная война*, *голубая кровь*, *желтая пресса*, *синий чулок*); другие же возникли относительно недавно (*белые воротнички*, *черная пятница*, *когнитивный диссонанс*, *дорожная карта*, *испанский стыд*, *цифровые аборигены*). В контекстах отсутствовало указание на происхождение и значение кальки, однако в некоторых случаях фразеологизм был помещен в кавычки (дополнительный формальный фактор), например: «*Испанский стыд*»: *фанаты в шоке от выхода сборной Италии в финал ЕВРО* [23]. Респондентам предлагалось найти фразеологизм, определить значение, сделать предположение о происхождении и перечислить признаки, указывающие на его этимологию. Термин «фразеологическая калька» в инструкции намеренно не использовался.

Анализ полученных результатов показал, что:

1) 97% испытуемых обнаружили фразеологизмы в предложенных контекстах;

2) только в 9% ответов так или иначе фиксируется иноязычное происхождение некоторых фразем, при этом термин «калька» был использован всего пять раз;

3) описывая признаки, маркирующие иноязычное происхождение фразеологизмов, испытуемые отмечали следующие (в скобках указано количество ответов):

- знание соответствующего иноязычного выражения (8);
- знание исторических фактов, связанных с фразеологизмом (14);
- наличие представлений о культурной специфике той или иной страны (8);
- компонентный состав фразеологизма (14);
- необычное сочетание лексем в составе оборота (2);

4) значение фразеологических единиц определялось с разной степенью успешности. Больше всего затруднений вызвали фразеологизмы *синий чулок* и *дорожная карта*: первый, несмотря на

длительное существование в русском языке, имеет непрозрачную внутреннюю форму и книжную окраску; второй также является книжным фразеологизмом, используемым скорее в официальной коммуникации, и потому плохо знаком студентам. Непрозрачным для испытуемых является и значение фразеологизма *цифровые аборигены*: по всей видимости, это можно объяснить агнонимичностью компонента *аборигены*, незнание которого мешает определить основную фразему. Поскольку механизмы понимания фразеологических калек, отражения их значения в языковом сознании носителей языка и вопрос сопоставления с прототипическим значением требуют, на наш взгляд, отдельного внимательного изучения, в данной работе мы не будем подробно затрагивать этот аспект эксперимента.

Проанализируем ответы испытуемых по каждому из фразеологизмов.

Фразеологизм *холодная война* интересен тем, что 85% испытуемых при определении его происхождения указывали на противостояние СССР и США / Запада в XX веке, однако не уточняли, в каком языке появился этот оборот. 75% связывали его происхождение с тем или иным метафорическим или метонимическим переносом лексемы *холодная*: «холодное отношение стран друг к другу», «зима – холод – сложно воевать по-настоящему», «использование оружия – это горячая война, без оружия – холодная»; «холодная – без проявления агрессии, равнодушная»; «война, которая ведется холодным умом»; «война с применением холодного оружия». 80% испытуемых подчеркнули, что при определении происхождения опирались на свои знания истории и исторические факты, при этом только один человек (1,5% от общего количества участников эксперимента) ответил, что это калька с английского выражения *cold war*. Таким образом, даже знание происхождения фразеологизма не гарантирует идентификации его как кальки.

При определении происхождения фразеологизма *голубая кровь* 80% испытуемых опирались на символику цвета *голубой* и его метафорическое значение: «цвет королей», «цвет неба, возвышенный цвет, поэтому аристократический»; «цвет кожи у людей, которые не работают и не бывают на солнце»; «цвет крови у монархов, избранных богом, по мнению людей того времени»; «цвет, который ассоциируется с холодом, злостью аристократов». 3% отмечали, что голубой – это «цвет, противопоставленный красному в цветовом круге». Два человека отметили, что этот фразеологизм возник в Англии, но никак не пояснили свой ответ; также двое предположили,

что фразема появилась в Испании, потому что «там загар считался признаком низкого происхождения»; один испытуемый указал на Францию как страну происхождения, объяснив, что именно «во Франции живут настоящие аристократы с голубой кровью» (всего 8% испытуемых). Термин «калька» по отношению к данному фразеологизму не использовался.

Определить происхождение фразеологизма *желтая пресса* попытались 64% испытуемых, часть из которых (22%) в своих рассуждениях снова ориентировались на символику и метафору цвета. По их мнению, пресса стала желтой потому, что желтый – это цвет «неприятный», «безумный», «грязный», «цвет разложения, умирания, увядания», «привлекающий внимание цвет». 34% респондентов, опираясь на исторические факты, ответили, что это цвет бумаги, которую использовали газеты конца XIX века – начала XX века. Только 8% указали на иноязычное происхождение фразеологизма (США, английский язык), термин «калька» был использован один раз.

Происхождение фразеологизма *синий чулок* для большинства испытуемых неясно и трудноопределимо. Только 9% участников эксперимента попытались предположить, как возникло это выражение: «кто-то надел синие чулки, чтобы выделиться», «видимо, кто-то немодный носил синие чулки». Один человек вспомнил про «Общество синих чулок», еще двое упомянули поэму Байрона «Синие» (в целом 5% испытуемых). Термин «калька» использован не был.

При определении происхождения фраземы *белые воротнички* часть испытуемых (17%) ориентировалась на метонимический перенос: «часть костюма людей», «офисный дресс-код», «воротничок, как у священника»; другие (10%) связали происхождение фразеологизма с символикой цвета *белый*: «чистые», «незапятнанные», «ухаженные». На иноязычное происхождение фразеологизма обратили внимание 8% испытуемых: три человека отметили, что выражение возникло на Западе, и один из них предположил, что выражение похоже на заимствованное словосочетание, потому что «на Западе в офисной среде носят белые рубашки, в России это не так распространено». Один человек определил Англию как страну происхождения («именно там стали делить на воротнички»), другой – США. Один раз был предложен английский вариант *white-collar worker*, термин «калька» не использовался.

Иноязычное происхождение фразеологизма *черная пятница* отмечали 29% испытуемых, что является достаточно высоким показателем. Думаем, это связано, во-первых, со временем каль-

кирования (это не неофразама, но и не устаревший оборот); во-вторых, с общеупотребительным характером фразеологизма и, в целом, его актуальностью для молодых носителей языка. 22% участников эксперимента связали происхождение фразеологизма с США и традицией проводить распродажи перед Днем благодарения; 7% сопоставили русский оборот с английским прототипом *Black Friday*. Термин «калька» был упомянут два раза. Безусловно, испытуемые обращали внимание и на символику черного цвета при определении происхождения фразеологизма: «черная ночь, никто не видит, все можно покупать», «после распродажи оставались черные (пустые) полки», «черные дни для продавцов», «черные ценники», «закупались товарами на черный день», «черный – смерть, ликвидация» (всего 20% подобных ответов).

Компонентный состав фразеологизма *испанский стыд* ожидаемо повлиял на квалификацию данного оборота как иноязычного, пришедшего из испанского языка и связанного с испанской культурой (32% испытуемых). Участники эксперимента отмечали, что выражение связано «со стереотипным поведением испанцев, их менталитетом», «с испанскими сериалами», «с какой-то историей, произошедшей в Испании», «с горячей испанской кровью». При этом никто не упомянул настоящий язык-источник (английский), прототип (*Spanish shame*) и термин «калька». Также подчеркнем, что значение этого фразеологизма достаточно хорошо известно испытуемым, несмотря на его новизну.

Происхождение фразеологизма *цифровые аборигены* попытались определить 40% испытуемых, из которых только 2% связали его со странами Европы и иностранными языками. 17% испытуемых при определении происхождения отталкивались от слова *аборигены*, при этом не всегда правильно толкуя его значение («необычные люди», «отсталые люди», «нецивилизованные»); 21% испытуемых опирались на слово *цифровые*. Термин «калька» использован не был.

Происхождение фразеологизма *когнитивный диссонанс* 50% испытуемых связывают с психологической терминологией и научной сферой в целом; комментарии относительно страны и языка-донора отсутствовали. Остальные участники эксперимента определить происхождение затрудняются.

Происхождение фразеологизма *дорожная карта* попытались определить 30% испытуемых, и лишь 2% связали его с английским языком и выражением *road map* (термин «калька» был использован один раз). Остальные увидели в обороте метафору пути, дороги, дорожной разметки

и проездного билета. Как уже было отмечено, значение фразеологизма также плохо известно испытуемым: только 17% смогли определить его более или менее точно. Интересно, что эти результаты расходятся с нашим утверждением о популярности данного фразеологизма: в одной из работ мы отмечали, что фразему *дорожная карта* можно назвать концептуально значимой, обладающей яркой и понятной внутренней формой и отражающей актуальные тренды современной жизни [24, с. 236].

Представим результаты эксперимента в виде таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1

Результаты выполнения задания
«Определите происхождение фразеологизма»

Фразеологизм	Определили происхождение фразеологизма (в %)	Определили происхождение фразеологизма как иноязычное (в %)	Использовали термин «калька» (количество раз)
<i>Холодная война</i>	85	1,5	1
<i>Голубая кровь</i>	83	8	0
<i>Желтая пресса</i>	64	8	1
<i>Синий чулок</i>	9	5	0
<i>Белые воротнички</i>	27	8	0
<i>Черная пятница</i>	49	29	2
<i>Испанский стыд</i>	32	32	0
<i>Цифровые аборигены</i>	40	2	0
<i>Когнитивный диссонанс</i>	50	0	0
<i>Дорожная карта</i>	30	2	1

Итак, наше предположение относительно того, что испытуемые с профильным филологическим образованием смогут достаточно легко определить иноязычное происхождение фразеологических калек, не подтвердилось. По всей видимости, кальки действительно воспринимаются даже подготовленными носителями языка как аутентичные единицы, обладающие, как правило, понятной внутренней формой и кодирующие смыслы родной культуры.

Несмотря на то, что термин «калька» входит в поле лингвистической компетенции испытуемых, предложенные фразеологизмы не смогли активизировать данный смысловой узел. При этом после эксперимента участники отмечали, что «если бы им сказали, что там есть кальки, они бы их обязательно увидели».

Эксперимент показал, что как скрытое заимствование фразеологизма лучше распознается тогда, когда в нем есть явное, эксплицитное указание на инокультурное происхождение (*испанский стыд*). Кроме того, имеет значение сфера и частота использования фраземы, ее актуальность для носителей языка и, возможно, наличие и активное функционирование в воспринимающем языке выражения-прототипа (*черная пятница* и *Black Friday*). Знание происхождения единицы, истории ее возникновения далеко не всегда помогает носителям определять фразему как калькированную.

В заключение отметим, что «мягкая сила» фразеологических калек как скрытых заимствований не может быть оценена однозначно: с одной стороны, такие незаметные инновации спокойно воспринимаются носителями языка, не вызывают ожесточенных споров и отторжения, как обычные заимствования; однако с другой — их влияние на языковое сознание вполне очевидно, поскольку они способны исподволь трансформировать языковую картину мира, формировать новые лингвокультурные смыслы, установки и предпочтения, практически без ведома самих носителей языка.

Список источников

1. Сенько Е. В., Ленчина М. Р. Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 128–133.
2. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008. 495 с.
3. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта: Наука, 2009. 584 с.
4. Мокиенко В. М. Фразеологические кальки как источник обогащения национальных языков // Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии. Коллективная монография. Greifswald: Universität Greifswald, 2020. С. 5–17.
5. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
6. Мухин С. В. Лингвокультурологические модели фразеологического калькирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 9 (781). С. 60–66.
7. Матвеева О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Саратов, 2005. 24 с.
8. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 393 с.
9. Арапова Н. С. Калька // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 211 с.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. СПб.: Специальная литература, 1996. 192 с.
11. Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Алма-Ата, 1959. 24 с.
12. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп): монография. Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. 167 с.
13. Шмелев Д. Н. Современный русский язык: лексика. М.: Едиториал УРСС, 2004. 336 с.
14. Гарипова А. А. Системно-функциональный анализ фразеологических единиц, калькированных с русского языка на татарский: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: Казань, 2011. 22 с.
15. Апреотесей Ч. Кальки славянского происхождения в румынском языке // *Romanoslavica*. 1983. Т. 21. С. 85–95.
16. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии (антропоцентрический и аксиологический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Казань, 2007. 45 с.
17. Алефиренко Н. Ф. Антропоцентрическая фразеология: парадоксы и реалии // *Slovo. Tekst. Czas*. VIII. Человек во фразеологии и лексике славянских языков. Szczecin, 2005. С. 66–71.
18. Мещерякова О. А. Фразеологическая калька в системе изучения взаимодействия языков в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 363–370.
19. Наумова И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики): монография. Харьков: ХНАГЧ, 2012. 214 с.
20. Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 319 с.
21. Никитина О. А., Штеффенс Д. О номинативной функции новых именных фразеологизмов немецкого языка // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 36–41.
22. Багана Ж., Безрукая А. Н., Тарасова М. В. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2007. №1 (9). С. 5–10.
23. «Испанский стыд»: фанаты в шоке от выхода сборной Италии в финал ЕВРО // РИА Новости. Спорт. 2021. 07 июля. URL: <https://rsport.ria.ru/>

20210707/futbol-1740181040.html (дата обращения: 30.04.2022).

24. Кротова А. Г. Фразеологические неологизмы в современной речи, или Что такое «дорожная карта» // Лингвистика XXI века: традиции и новации: Сб. трудов по материалам международной научной конференции памяти профессора В. В. Лазарева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 229–237.

References

1. Sen'ko, E. V., Lenchina, M. R. (2020). *Kal'kirovanie v sovremennom russkom yazyke* [Calquing in the Contemporary Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. Tom 13. Vypusk 11, pp. 128–133. (In Russian)
2. Marinova, E. V. (2008). *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX – nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign Words in the Russian Speech of the Late 20th – Early 21st Centuries: Problems of Development and Functioning]. 495 p. Moscow, Elpis. (In Russian)
3. Mechkovskaia, N. B. (2009). *Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii: ot klinopisi do Interneta: kurs lektsii po obshchemu yazykoznaniyu* [The History of Language and the History of Communication: From Cuneiform to the Internet: A Course of Lectures in General Linguistics]. 584p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
4. Mokienko, V. M. (2020). *Frazeologicheskie kal'ki kak istochnik obogashcheniya natsional'nykh yazykov* [Phraseological Calquing as a Source of Enrichment of National Languages]. *Slavianskaya frazeologiya: zaimstvovaniya i kal'ki v slavyanskoi frazeologii*. Kollektivnaya monografiya. Greifswald: Universität Greifswald, pp. 5–17. (In Russian)
5. Krysin, L. P. (2002). *Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletii* [Lexical Borrowing and Calquing in the Russian Language of the Last Decades]. *Voprosy yazykoznaniya*. No. 6, pp. 27–34. (In Russian)
6. Mukhin, S. V. (2017). *Lingvokul'turologicheskie modeli frazeologicheskogo kal'kirovaniya* [Linguoculturological Models of Phraseological Calquing]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 9 (781), pp. 60–66. (In Russian)
7. Matveeva, O. V. (2005). *Leksicheskoe kal'kirovanie kak rezul'tat lingvokul'turnogo vliyaniya v usloviyakh mezhkul'turnoi kommunikatsii: avtoref. dis. . . . kand. filol. nauk* [Lexical Calquing as a Result of Linguocultural Influence in the Context of Intercultural Communication: Ph.D. Thesis Abstract]. Saratov, 24 p. (In Russian)
8. Balli, Sh. (1961). *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. 393 p. Moscow, izd-vo inostrannoi literatury. (In Russian)
9. Arapova, N. S. (1998). *Kal'ka* [Calque]. *Yazykoznaniye. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'*. Gl. red. V. N. Yartseva. 211 p. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian)
10. Shanskii, N. M. (1996). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Phraseology of the Contemporary Russian Language]. 192 p. St. Petersburg, Spetsial'naya literatura. (In Russian)
11. Efremov, L. P. (1959). *Sushchnost' leksicheskogo zaimstvovaniya i osnovnye priznaki osvoeniya zaimstvovannykh slov: avtoref. dis. . . . kand. filol. nauk* [The Essence of Lexical Borrowings and the Main Features of Mastering Borrowed Words: Ph.D. Thesis Abstract]. Alma-Ata, 24 p. (In Russian)
12. Solodukho, E. M. (1982). *Problemy internatsionalizatsii frazeologii (na materiale yazykov slavianskoi, germanskoi i romanskoi grupp): monografiya* [Problems of Internationalization of Phraseology (based on the Languages of the Slavic, Germanic and Romance Groups): A Monograph]. 167 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
13. Shmelev, D. N. (2004). *Sovremennyyi russkii yazyk: leksika* [The Contemporary Russian Language: Vocabulary]. 336 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
14. Garipova, A. A. (2011). *Sistemno-funktsional'nyi analiz frazeologicheskikh edinits, kal'kirovannykh s russkogo yazyka na tatarskii: avtoref. dis. . . . kand. filol. nauk* [System-functional Analysis of Tatar Phraseological Units Calqued from Russian: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 22 p. (In Russian)
15. Apreotesei, Ch. (1983). *Kal'ki slavianskogo proiskhozhdeniya v rumynskom yazyke* [Slavic Origin Calques in the Romanian Language]. *Romanoslavica*. T. 21, pp. 85–95. (In Russian)
16. Bagautdinova, G. A. (2007). *Chelovek vo frazeologii (antropotsentricheskii i aksiologicheskii aspekty): avtoref. dis. . . . d-ra. filol. nauk* [A Person in Phraseology (Anthropocentric and Axiological Aspects): Doctoral Thesis Abstract]. Kazan', 45 p. (In Russian)
17. Alefirenko, N. F. (2005). *Antropotsentricheskaya frazeologiya: paradoksy i realii* [Anthropocentric Phraseology: Paradoxes and Realities]. *Slovo. Tekst. Czas*. VIII. Chelovek vo frazeologii i leksike slavianskikh iazykov. Pp. 66–71. Szczecin. (In Russian)
18. Meshcheriakova, O. A. (2019). *Frazeologicheskaya kal'ka v sisteme izucheniya vzaimodeistviya yazykov v kognitivnom aspekte* [Phraseological Calque in the System of Studying the Interaction of Languages in the Cognitive Aspect]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 38, pp. 363–370. (In Russian)
19. Naumova, I. O. (2012). *Frazeologicheskie kal'ki angliiskogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom yazyke (na materiale publitsistiki): monografiya* [Phraseological Calques of English Origin in Contemporary Russian (based on Massmedia): A Monograph]. 214 p. Khar'kov, KhNAGCh. (In Russian)
20. Arapova, N. S. (2000). *Kal'ki v russkom yazyke poslepetrovskogo perioda: opyt slovary* [Calques in the Russian of the Post-Petrine Period: The Experience of a Dictionary]. 319 p. Moscow, izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)
21. Nikitina, O. A., Shteffens, D. (2018). *O nominativnoi funktsii novykh imennykh frazeologizmov nemetskogo yazyka* [About the Nominative Function of the New Nominal Phraseological Units of the German Language]. *Poliparadigmnye konteksty frazeologii v*

XX veke: materialy mezhdunar. nauch. konf. Tula, TPPO, pp. 36–41. (In Russian)

22. Bagana, Zh., Bezrukaia, A. N., Tarasova, M. V. (2007). *Kal'ka i zaimstvovanie kak rezul'tat inoyazychnogo vliyaniya* [Interrelation between Borrowings and Calques]. Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika. No. 1 (9), pp. 5–10. (In Russian)

23. *“Ispanskii styd”: fanaty v shoke ot vykhoda sbornoj Italii v final EVRO* [“Spanish Shame”: Fans Shocked by Italy's Progress to the EURO Final]. RIA Novosti. Sport. 2021. 07 iyulya. URL:

<https://rsport.ria.ru/20210707/futbol-1740181040.html> (accessed: 30.04.2022). (In Russian)

24. Krotova, A. G. (2016). *Frazeologicheskie neologizmy v sovremennoi rechi, ili Chto takoe “dorozhnaya karta”* [Phraseological Neologisms in the Contemporary Speech, or What a “Road Map” Is Like]. Lingvistika XXI veka: traditsii i novatsii: Sb. trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati professora V. V. Lazareva. Pp. 229–237. Pyatigorsk, PGLU. (In Russian)

The article was submitted on 25.04.2022

Поступила в редакцию 25.04.2022

Кротова Анастасия Григорьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Новосибирский государственный
технический университет,
630073, Россия, Новосибирск,
Карла Маркса пр-т, 20.
anakrv@yandex.ru

Krotova Anastasiya Grigor'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Novosibirsk State Technical University,

20 Karl Marks Pr-t,
Novosibirsk, 630073, Russian Federation.
anakrv@yandex.ru